

О. С. Ермакова (Санкт-Петербург)

«САГА О СВЕРРИРЕ»
И ТРИЛОГИЯ КОРЕ ХОЛТА «КОРОЛЬ»:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Коре Холт — имя, которое сейчас уже почти забыто в Норвегии, однако в 60–70-е гг. XX в. он был одним из наиболее известных писателей. За свою жизнь (1917–1997) он написал более 40 романов, несколько пьес, выпустил сборник стихотворений. Критики высказывали разные мнения по поводу того, какой из романов писателя был центральным в его творчестве, однако сам Коре Холт во всех интервью без колебаний называл трилогию «Король» самым значимым своим произведением.

Исторические романы «Человек с далеких островов», «Изгой» и «Властитель и ром», объединенные под общим названием «Король», были опубликованы в период с 1965 по 1969 г. Действие происходит в Норвегии во второй половине XII в., а в центре повествования стоит король Сверрир — одна из наиболее ярких и загадочных личностей в истории Норвегии. Он появился на политической арене в разгар гражданских войн. Одной из причин раздоров было то, что вплоть до 1163 г. в Норвегии не было закона о престолонаследии и заявить право на корону мог любой незаконнорожденный сын короля. В середине XII в. власть в стране захватил ярл Эрлинг Кривой, провозгласив королем Магнуса. Права Магнуса на престол были весьма сомнительны, поскольку он был лишь сыном дочери короля, и в стране стали вспыхивать очаги сопротивления, тем более что ярл правил достаточно жестоко, любыми средствами устраняя всех возможных претендентов на престол. Наиболее активной силой сопротивления стала небольшая группа изгоев, выходцев из низов, презрительно названная «биркебейнерами» («берестяниками»). В противостоянии с силами ярла Эрлинга они терпели одно поражение за другим. И в момент, когда казалось, что восстание окончательно подавлено, во главе биркебейнеров встал Свер-

рир, священник с Фарерских островов, провозгласивший себя сыном короля Сигурда. После долгой и кровавой войны благодаря своему таланту военачальника, политика и, собственно говоря, невероятной удаче Сверрир был коронован. Он сумел продержаться на престоле 25 лет, невзирая на нелюбовь народа и сопротивление церкви, и после его внезапной смерти в 1202 г. на престол взошел его сын Хокон. В европейской истории встречается не так много случаев, когда мятежники из низов одерживают верх над военными силами знати, когда самозванец, человек ниоткуда, становится родоначальником новой королевской династии.

Как уже говорилось, в истории короля Сверрира много загадок. Был ли он действительно сыном короля? В чем была причина его блистательных побед? Историки по-разному отвечают на спорные вопросы. Коре Холт дает свою трактовку событий и разворачивает перед читателем широкую картину норвежского средневековья, где фигуры реальных исторических личностей выписаны так же живо, как и множество вымышленных героев. Не претендуя, конечно, на абсолютную истину, он, однако, не раз отвечает журналистам: «Так могло быть». Примечательно, что хотя многие специалисты пытались предъявить писателю претензии в недостаточном знании материала, ни один не смог выдвинуть каких-либо серьезных возражений. Как говорил сам автор, он изучил практически все существующие источники, повествующие об эпохе и личности короля Сверрира. Однако главным текстом, к которому обращается автор, является, без сомнения, «Сага о Сверрире», составленная в XII в. исландским монахом Карлом Йоунссоном.

Использование материала древнеисландских саг в историческом романе не является редкостью в норвежской литературе. Более того, саги во многом повлияли на развитие национальной литературы Норвегии, и в частности на формирование жанра исторического романа, при этом авторы не только обращались к сюжетам, но и использовали стилистические особенности саг. Однако когда не существует прямой цитации или стилистического подражания, бывает довольно трудно определить тип взаимосвязи саги и романа: является ли эта связь чисто когнитивной или мы имеем дело с интертекстуальностью. Истоки этой проблемы кроются в особенностях жанра саги: в течение многих лет историки спорили, являются ли события, описанные в сагах, исторически достоверными или это не что иное, как художественный вымысел. М. И. Стеблин-Каменский отмечал, что большинство придерживались крайних точек зрения: саги объявлялись либо абсолютной правдой, либо абсолютным вымыслом. Сам Михаил Иванович, говоря о соотношении правды и вымысла в родовых сагах, предложил термин «синкретическая правда», «художественный вымысел, осознававшийся как правда в собственном смысле слова»¹. Пересказывая или переписывая родовую сагу, автор добавлял некоторые красочные подробности, вкла-

дывал в уста персонажей свои реплики, при этом вовсе не считая, что он искажает истину. Это безусловно так, когда речь идет о родовых сагах. Что касается другой группы, «королевских саг», к которым относится и «Сага о Сверрире», здесь ситуация несколько иная. Исследователям, как правило, известно, кто является автором той или иной королевской саги; кроме того, составляя сагу о королях прошлого, автор невольно должен был производить некий отбор фактов, т. е. задействовать свое творческое начало. Таким образом, королевские саги ближе и к историографии, и к авторской литературе в современном понимании этого слова. Следует, однако, отметить, что, составляя королевские саги, авторы стремились к объективности и излагали правду так, как они ее видели.

«Сага о Сверрире» стоит особняком в группе королевских саг. В первых, речь здесь идет не о событиях, ставших историей: часть саги составлена при жизни короля, часть — сразу после его смерти. Вторых, и этот факт очень важен, король сам участвовал в процессе создания саги. В прологе прямо говорится: «Начало повести списано с той книги, которую писал аббат Карл сын Йона, а сам Сверрир конунг говорил ему, что писать»². Таким образом, совершенно ясно, что по крайней мере в первой части саги излагаются не объективные факты, а та искаженная правда, которая была выгодна королю.

Именно эта особенность саги была активно задействована Холтом при написании его романов. Связь романа и саги в данном случае в высшей степени необычна для норвежской исторической прозы: это дискуссия, спор с изложенным в саге. Подобный тип интертекстуальной связи Жерар Женетт определил термином «метатекстуальность» — «комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст»³. Повествование не является постмодернистским «текстом о тексте», и данную дискуссию с сагой нельзя назвать основной задачей автора, однако Холт то и дело возвращается к противопоставлению «правды о короле» и написанной «саги о короле». Рассказчик в трилогии — это близкий друг и советник короля Сверрира, бывший его спутником на всем пути от Фарерских островов к престолу Норвегии. Ученый монах, принявший постриг одновременно со Сверриром, Аудун хотел в свое время написать правдивую сагу о короле, но тот не позволил ему, так как Сверриру нужна была сага, прославляющая и оправдывающая его деяния. Жаркий спор между ними подробно описан в третьей части трилогии. Теперь, после смерти короля, Аудун сидит на хуторе в Рафнаберге и рассказывает свою ненаписанную сагу о короле его дочери Кристин. Во вступлении к своему рассказу Аудун говорит: «Сага аббата Карла — неправда, это ложь, это рассказ самого конунга о своей жизни. Это голос моего покойного друга, но голос этот служит лжи. Я знаю, что в моем повествовании не будет пустой недоговоренности, какая есть в саге аббата Карла, вот кто был мастер напыщенно излагать ложь»⁴.

Диалоги между Аудуном и Кристин, события, происходящие после смерти короля, служат рамочной конструкцией для повествования, и, таким образом, действие происходит в двух плоскостях: в прошлом, события в котором постоянно перекликаются с описанным в саге, и настоящим, существующим вне саги, иначе мы можем это назвать «саговыми событиями» и «историческими событиями». В романе скрыта еще третья плоскость — связь с будущим. В определенный момент повествования соотношение «то, что было написано» и «то, что происходило на самом деле», существующее внутри текста, оказывается недостаточным и добавляется третье звено: связь рассказчика и автора. Таким образом, художественное пространство выходит за рамки текста и апеллирует к реальной жизни. Следует отметить, что рассказчик является вымышленным персонажем и не имеет ничего общего с автором. Их объединяет в первую очередь место действия: Коре Холт большую часть своей жизни прожил в Рафнаберге, и там же была написана трилогия. Связующая нить между Аудуном и Коре Холтом появляется в третьей книге: после того, как Сверрир запретил Аудуну писать сагу, Аудун говорит в беседе с епископом: «Я знаю, господин мой епископ, что когда однажды моя душа пролетит по царству мертвых в поисках последнего покоя, мой жаркий дух проникнет в какого-нибудь скальда, который еще будет жить на нашей темной земле. Тогда то, что я видел и слышал, то, что помнит мое сердце и ведает моя мысль, перейдет в него. Тогда он напишет свою правдивую сагу о Сверрире, короле Норвегии»⁵. Таким образом, автор трилогии претендует на роль некоего медиума, связующего звена между своим персонажем, рассказчиком из прошлого и современным читателем. Выстраивание трех хронотопов, связанных между собой, — саги в историческом художественном тексте, самого текста и внехудожественной реальности, — на временной оси соответствующих прошлому, настоящему и будущему, наблюдается также в другом романе-саге Коре Холта «Тризна по женщине» и является характерным для творчества этого автора.

Обратимся к сопоставлению текста саги и трилогии. Коре Холт не подражает саговому стилю, не использует он также цитат из саги. Единственной очевидной аллюзией является заголовок первой части трилогии, позже часто повторяющийся в качестве эпитета: «Человек с далеких островов», «Mannen fra utskjæret». Это выражение взято из речи Сверрира перед биркебейнерами, когда он отказывался возглавить их войско: «Да и я, человек, выросший на острове, далеком от других стран, неспособен на большие дела». В переводах саги и на букмол, и на нюнорск использовано одно и то же слово «utskjær»: «jeg er en mann som har vokset opp i et utskjær» («alen som eg er paa eit utskjer langt ifraa andre land»).

Соотнося текст саги и романа, мы можем условно выделить в саге четыре типа повествования: факты жизни короля, не подтвержден-

ные другими историческими источниками, — в первую очередь рассказ о его рождении и детстве; факты, исторически подтвержденные, — повествования о походах короля, его соратниках, битвах и правлении; сны Сверрира и речи Сверрира, которых в саге немало.

Все факты, подтвержденные исторически, в трилогии сохранены и дополнены подробностями. Здесь прослеживается основная концепция восприятия саг Коре Холтом: он стремится восполнить скудное повествование саги, избегающее описания эмоций и внутренних побуждений героев, за краткими фразами увидеть живых людей, с их страстями и переживаниями.

Что касается речей Сверрира, приведенных в саге, ни одна из них не цитируется в романе. Возьмем, к примеру, уже упоминавшуюся здесь речь Сверрира к биркебейнерам. Сага рассказывает о том, как биркебейнеры после своего поражения обратились к Сверриру с просьбой возглавить их войско. Сверрир отказался и вместо этого посоветовал им обратиться к шведскому ярлу Биргиру, женатому на дочери короля Сигурда, с просьбой дать одного из сыновей им в вожди. Биргир отказал им в просьбе и указал на Сверрира как на наилучшего для них вождя. В романе нет ни слова о том, чтобы Сверрир советовал биркебейнерам выбрать другого вождя. По-видимому, автор посчитал, что данный эпизод в саге сочинен для того, чтобы показать, что Сверрира поддерживали в законности его притязаний знатные люди. В трилогии Сверрир действительно колеблется, но после долгих раздумий принимает решение биться за престол: «Теперь я знаю свой долг и свой путь, я иду с вами. Сегодня я ваш предводитель, завтра я ваш конунг. Я, Сверрир, объявляю себя конунгом или смерть!»⁶ Также и в других эпизодах автор выбирает не пышные фразы, приведенные в саге, а слова, как ему кажется, наиболее естественные в описываемой ситуации и наиболее подходящие для того, чтобы воодушевить людей.

Сны Сверрира и факты его детства приводятся в саге в виде повествования. Коре Холт выбрал другой путь: все изложенное в этих заведомо неправдоподобных эпизодах он вкладывает в уста главного героя. Это опять же выглядит естественным, если вспомнить фразу Аудуна: «Сага аббата Карла — ... это рассказ самого конунга о своей жизни. Это голос моего покойного друга...» Все эти факты подтверждают право Сверрира на престол, как кровное, так и дарованное ему Богом (в снах к нему приходят ветхозаветный пророк Самуил и святой Улав, говоря ему, что он рожден царствовать). По логике романа, Сверрир сначала убеждает своих сторонников в своем праве, рассказывая им о снах и сочиняя истории о своем детстве, а затем приказывает написать это в саге. Предоставляя Сверриру возможность в художественном тексте самому рассказывать о том, что написано в саге, рассказчик предлагает свою версию событий, очевидцем которых он якобы был. В скобках следует отметить, что постоянно противопоставляя «правду» художественного текста и «не-

правду» саги, автор ведет с читателем некую игру. Даже если мы предположим, что рассказчик существовал на самом деле, надо принять во внимание, что Аудун — человек, непосредственно участвовавший во всех описываемых им событиях на определенной стороне и имеющий свои взгляды. «Правда», рассказанная им, — это точка зрения человека пристрастного, и на протяжении рассказа он, собственно говоря, и не скрывает своих эмоций по отношению к тому или иному событию. Поэтому не правы те историки, которые предъявляли Холту претензии по поводу того, что король Магнус или ярл Эрлинг изображены им чересчур негативно. Это естественно, ведь рассказ ведется от лица заклятого врага ярла Эрлинга, немало пострадавшего от него.

Здесь уже говорилось о том, что в процессе работы над трилогией Холт подробно изучал исторические источники и прочел множество трудов ученых на данную тему. Но существует одна историографическая работа, к которой Холт обращался скорее не как к источнику, а как к тексту, причем связь между этой работой и трилогией может быть также охарактеризована как метатекстуальная. Речь идет о книге английского историка Гэторна-Харди «Король-самозванец. Сверре, король Норвегии», вышедшей в Норвегии в 1956 г. Эта книга отличается от канонических историографических штудий живым языком и яркостью изображаемых картин. Сам автор признается в предисловии: «Основной трудностью было мое убеждение, что если мы хотим показать истинный образ этого замечательного человека, мы должны дополнить традиционные методы исторического исследования разумной долей воображения»⁷. Как и Холт, Гэторн-Харди апеллирует прежде всего к саге и возражает ей. Он высказывает свои сомнения по поводу тех или иных событий, задает вопросы, но очень часто за отсутствием достоверных фактов не может ответить на них. Это делает Холт в своем романе, пользуясь привилегией писателя восполнять своим воображением то, что неизвестно науке истории. Эта примечательная связь (сага — научный труд — роман) особенно ярко просматривается в изложении фактов рождения и юности Сверрира и строится следующим образом: сага сообщает некоторые факты, историк подвергает их сомнению или отрицает как ложные, романист находит некий компромисс между сагой и научным трудом.

Итак, сага утверждает, что Сверрир был сыном короля Сигурда, но не знал об этом, покуда мать его не отправилась в паломничество в Рим, где она исповедовалась перед папой, который наказал ей открыть правду сыну. Вернувшись домой, она рассказала все Сверриру, и тот отправился в Норвегию. Гэторн-Харди не соглашается с изложенными фактами. Во-первых, в отличие от норвежских историков, таких как Кут или Поске, он не считает Сверрира сыном короля. Проведя скрупулезные расчеты, он утверждает, что на момент зачатия Сверрира королю Сигурду было около 12 лет, так что отцовство

было физически невозможно. Кроме того, говорит автор, Сверрир сам не считал себя сыном короля, поскольку ни разу не пытался доказать свои права на престол при помощи «Божьего суда», или ордалии (обряд, при котором утверждающий что-либо и желающий доказать свою правоту должен был пронести раскаленное железо в голых руках; если через три дня после этого руки заживали, считалось, что правота его была подтверждена Господом; в сагах описывается много случаев, когда претендент на престол доказывал таким образом свое право). Во-вторых, утверждает Гэторн-Харди, представить себе, чтобы мать Сверрира, одинокая, слабая женщина, пустилась в путь через всю Европу, где ситуация в те времена была очень беспокойной, очень трудно; представить себе, что папа лично исповедовал простую крестьянку из далекой Норвегии, просто невозможно.

Теперь посмотрим, как Холт разрешает вопросы об отце Сверрира и о путешествии его матери в Рим. В том, что касается первого вопроса, Холт находит простое и остроумное решение: мать Сверрира не знает точно, кто его отец; когда-то, озлившись на мужа, который был не в состоянии исполнить свои супружеские обязанности, она ушла в дом терпимости в Бергьюне (Бергене), где провела три ночи; одним из тех, кто приходил к ней, был король Сигурд; он мог быть отцом Сверрира, но мог и не быть им. Подобная трактовка объясняет, почему Сверрир никогда не пытался доказать свои права «Божьим судом»; она же дает возможность проанализировать возникшую нравственную дилемму Сверрира: он не знает, имеет ли он право на власть, но он знает, что он достаточно сильный человек, чтобы власть завоевать и удерживать. Именно поэтому он так часто апеллирует к своему праву, дарованному небом (отсюда описание его снов). Далее, Холт, по-видимому, согласен, что мать Сверрира не могла совершить поездку в Рим. В романе он предлагает такой вариант развития событий: перед смертью она рассказывает сыну, что ей приснился сон о том, что она была в Риме и говорила с папой. По его велению, данному ей во сне, она и рассказывает сыну тайну его рождения. Но позже, в речи к своим соратникам, Сверрир говорит об этой поездке как о чем-то реально произошедшем: «Она долго скрывала от меня ... все, что ей было сказано, когда она была в Ромаборге и исповедалась там самому папе»⁸.

Можно приводить много примеров подобных вопросов ученого и ответов писателя, но они не настолько показательны и очевидны, как эти два эпизода.

Интертекстуальное поле в романе, конечно, не исчерпывается описанной связью саги и романа. В своей трактовке проблемы власти автор апеллирует и к Бьернсону, и к Ибсену, которые поднимали этот вопрос в своих исторических драмах. Существуют также другие, менее явные интертекстуальные связи. Однако в целом можно сказать, что трилогия Коре Холта «Король» является одним из наи-

более интересных примеров рецепции древнеисландских саг в норвежском историческом романе.

¹ *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 99.

² Сага о Сверрире. М., 1988. С. 7.

³ Цит. по: *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Сер. литературы и языка. М., 1998. Т. 57, № 5. С. 26.

⁴ *Холт К.* Конунг / Пер. Л. Горлиной. М., 1996. С. 12–13.

⁵ *Holt K.* Hersker og trett. Oslo, 1971. S. 205.

⁶ *Холт К.* Указ. соч. С. 242.

⁷ *Gathorn-Hardy G. M.* A Royal Impostor: King Sverre of Norway. Oslo, 1956. S. 1.

⁸ *Холт К.* Указ. соч. С. 240.